

Приняв эту мысль, мы приходим к единству
Материи в мире, пронизанном Богом.

И вот, наконец, нам становится ясно,
Что наша земля это маленький атом,
А желтое Солнце одна из молекул
Сплошного Вселенского тела Господня.

Картина становится стройной. Однако
В ней роль человека в кубическом доме
Довольно ничтожна...

Задумайтесь над этим.

* * *

Ночь. Рождество. Однорукий столяр.
Подогнаны прочно неровные строчки.
Заподлицованы буквы в слова,
И наглухо вбиты гвоздей многоточья...

Звезды застыли в квадрате двери.
Занозы в руках от сучков и помарок.
Ночью столяр для тебя мастерит
Избушку из слов. Новогодний подарок.

Слово — это квадратный кирпич.
Слово — это кирпичный квадрат.
Слово — это кирпичный квадратный кирпич.
Слово — это кирпичный квадратный кирпичный кирпич.
Слово — это кирпичный квадратный кирпичный кирпичный кирпичный кирпич.

УТРО В КОММУНАЛЬНОЙ КВАРТИРЕ

К восьми возникает соседка
С ангиною нежною в горле.
В своем ритуальном халате
За столиком возле окошка
Шинкует мороженый воздух,
Заутреню молча справляя
Над желтой латунной миской.
И крошится ретушь моршинок,
Как черная перхоть на плечи.

Изогнутый столб позвоночный
Мучительным знаком вопроса
Висит над начищенным полом,
И пальцев костлявых фаланги
Гигантскими тенями бьются
По синим прокуренным стенам.

Плита, как квадратная клумба.
Четыре цветка ядовитых,
Четыре шипящих конфорки,
Горят фиолетовым светом.
И заспанные гегемоны —
Соседи по жизни и кухне,
Бредут, словно эки, цепочкой,
Следы за собой оставляя.

Мне долго следы эти снились...

ЦАРСКОЕ СЕЛО

Кириллица. Просторный прилизанный парк.
Заскорузлые буки и яти,
Корнями проросшие в дикую почву,
Прикрыты изящной словесностью.
У входа каллиграф-садовник
Подбирает с благоговением
Листы у подножья Великого Бука —
Праородителя местной культуры.

В центре парка громоздкий дворец
Самодержца всея и прочая.
Лужайка с кустарником мелких стихов.
Наследник в матросской форме.
Фарфоровые, обреченные глаза.
Велеречивый клеврет склонился над ухом.
Подагрой сведенные пальцы
Сжимают учебник теории зла.

По желтым, пятнистым аллеям гуляют
Напудренные суффиксы,
Со словарями, прижатыми к крахмальным манжетам
Перебрасываются снисходительно
Оттенками здравого смысла.
Вдоль аллей подстриженные, кудрявые деревья.
Каждый год они приносят одни и те же плоды,
Которые очень ценятся населением.

Если долго идти по любой из аллей,
Вдруг очутишься в первобытном лесу.
Затравленные местоимения
Бродят между коряг и корней.
Суетятся и путаются под ногами
Прилагательные, готовые на все:
Каждый ищет предлог — показать себя.

Страшно...

* * *

Мой город, холодный, нарядный,
С мостами, торчащими в небо,
Колодцами мокрых парадных,
Домами, в которых я не был,

Арабскую вязью балконов,
Дворцовою желтой известкой,
Обрывками красных погонов,
Расставленных по перекресткам,

Невою, до края налитой
Свинцовой водою и ветром,
Рассчерченной слизью гранита,
Ноябрьским нищим рассветом...

Мой город!

ВАС ПЯТИЕ

Скользко. Фиолетовые
Капли с блеском ртутным
Мокрыми браслетами,
Ожерельем мутным
Прикоснутся к горлу,
Липкие, как пальцы.
И тогда покорно
Ты на землю свалишься.

Под длинными и наглыми,
Осенними дождями,
Насквозь пробитый каплями,
Как тонкими гвоздями,
Лежишь, прибитый каплями
К блестящим мостовым,
Затравленный, ограбленный,
Один ты здесь. Один...

КРЫША

В колодце двора снуют люди, как мыши.
Машины урчат в гараже за углом.
У дома напротив вся выгнулась крыша
Сиамской кошкою перед прыжком.

Сквозь ночь ощетинившись шерстью антенной,
Сверкающий хвост распрямил трубой.
Шипит чердаками, косится на стены,
Дрожит, изгибается черной дугой.

А люди продукты к себе в норы тащат,
С кульками в руках деловито снуют.
Сиамская кошка со стиснутой пастью
Хрипит. Поджидает добычу свою.

Кораблик, нагруженный болью,
Плынет по раздувшейся вене,
От пятки к спине поднимаясь
Наверх по течению крови.

Румяные лица матросов
С пустыми раскрытыми ртами
Висят разноцветной гирляндой,
Натянутой криво вдоль борта.

Скрипит мой Летучий Голландец,
Визгливые девки смеются
Внизу в капитанской каюте,
И боцман уснул за штурвалом.

Кораблик швыряет по волнам.
Катается тюк моей боли
От борта до борта по трюму,
В висках отдаваясь, как эхо.

Пульсируют красные весла —
Колючие злые иголки.
Царапает берег кораблик:
Мой тромб продирается к мозгу.

ГОРОДСКОЕ ЛЕТО

Вниз катится солнце с расплавленной крыши
В шершавый асфальт апельсиновые шаром.
И дворники тихо скребутся, как мыши —
Осколками солнца скоблят тротуары.

На площади сонной дома замирают,
Укутавшись в запахи теплого супа.
Машины, кряхтя, уползают в сараи.
Седой человек вниз уставился тупо.

И благославляет машины с балкона,
Язычник в подтяжках, довольный собою.
А солнце над ним, словно нимб воспаленный,
Расплющенный нимб над седой головою.

С Е Я Т Е Л Ь

Стихи Юрия Котлова

Художник Юрий Котлов

До рассвета взахлеб
Шлифовал доказательство.
Отмывал от грязи
Чужого ребенка.
Утром, согнувшись,
Вышел из дома
С щепоткою цифр
В дырявом кармане.

Шел, спотыкаясь,
По главной улице.
Улыбался смущенно
Толстым кассиршам.
Подбрасывал цифры
В слепящее небо.
Был очень счастливым...

тихнофф письм У.капитанск анМ -
ондскога оондскаги Нек мимМ
Мелодия, словно изгнание, длинная, Н
Клубками блестящими в рельсы свивается.
Мой дом — черный кокон — обвит паутиной
Из музыки мокрой и рельсов сверкающих.

На рельсы нанизаны знаками нотными,
Пунктирную линией блики качаются.
Как трубы органа, гудят подворотни,
Сквозь ветер литаврами крыши взрываются.

Дождь пробует клавиши труб водосточных,
Кривляется, прыгает с места на место,
Целует нас в губы, по крышам грохочет
И вдруг рассыпается целым оркестром.

На звуках качается пеной площадь,
И в пне раскинув блестящие руки,
Дирижирует городом Регулировщик,
В дома рассыпает цепочками звуки.

* * *

Мне двенадцать. У меня бронхит.
Мамы нет. Наверно, очень поздно.
И звонок будильника сверлит
К голове туннель сквозь плотный воздух.

Проплывают лица сверху вниз.
Я лежу под липкой простынею.
Надо мною циферблат повис,
И кричат соседи за стеной.

Уже поздно, а они кричат.
И заснуть пытаться бесполезно.
В потолке будильник, как печать
На моей истории болезни.

Чертят стрелки черные круги,
Прыгают, дрожат перед глазами.
Боль уйдет тихонько, не спугни.
Но вставать пока еще нельзя мне.

Набухает за окном рассвет.
Тени по полу жгутами выются.
Боль застыла в теплой синеве,
И стекает небо с мокрой юбки.

Круг прочерчен. Выпуклым пятном
В потолке лицо ее мерцает.
Циферблат, наклеенный на нем,
Моей жизни время отмеряет.

В РЕСТОРАНЕ

Огромные теплые бедра,
Обтянутые чешуюю
Из липкой мерцающей ткани,
Плынут, натыкаясь на стулья,
Сквозь синий клубящийся воздух
Плынут вереницею бедра.

Вибрируют грани предметов,
Слепая ленивая сила
Самцов поднимает со стульев,
И воздух становится вязким,
Наматывается на бедра
И путается под ногами.

В рубашках, набухших от пота,
Вальяжные сперматозавры
Сквозь запах еды проплывают
В грохочущий угол оркестра.
Их волосы тонкой штриховкой
Чернеют на лысых затылках.

Навстречу плывут вереницей
Слегка захмелевшие бедра,
Царапаются чешуюю
О вязкий прокуренный воздух,
Поскрипывая и качаясь,
Плынут вереницею бедра.

Плынут говорящие лица,
Лиловые зубы ликуют
В юбочниках из ожерелий,
И твердые вены, взбухая
Растут в гофрированных шеях,
Как синие ветви деревьев.

Чтоль: Четвероногие пары
Плынут, прижимаясь друг к другу,
И сходятся тени над ними,
Мечтали все двери, и окна
Почти на глазах зарастают
Какой-то болотной тиной.

И дом уже кажется шаром.
Обернутый мокрой фольгою,
Он катится к краю Вселенной,
Он катится в чистое поле,
Все больше сжимаясь в размерах.

Я где-то внутри в этом шаре.
Мужик за стенкою плачет...
Как будто меня отпевают.

СОВРЕМЕННИКИ

Простодушные народные завсегдатели.
Обдумана тщательно каждая глупость.
Желваки, будто камни на выбритых скулах.
А уж пядей во лбу — так и вовсе не счешь.

Интеллектом не изуродованы
Родные открытые лица.
Прищурившись, смотрят в светлое будущее.
Свои ребята — с детства их знаю.

Сам таким мог бы ведь стать...